

612 35

Из "ВОЙШЕН энд АТЕНКУМ" от 7 января 1922 года, № 4784.

ТРОЦКИЙ - КОРОЛЬ ПАМОЛЕТИСТОВ.

Деятель. Защита терроризма - Ответ Карлу Каутовскому.

Статья Бернарда Шоу.

Что бы ни думали и что бы ни говорили напуганные буржуазные критики о Троцком, как об архи коммунисте - террористе, они должны признать; что когда он берет в руку перо, он является настоящим мастером. Сказать, что он затмевает Энгельса или Берка, значило бы ничего не сказать, не потому, что лошади, которых они стегали, умерли или хотя бы только умирают /они живы и брикаются до сих пор/, но потому, что Энгельс и Берк интересуют нас сейчас не больше, чем Георг III. Но нельзя сказать того же про Карла Маркса, великодушного памолетиста и старого учителя Троцкого в этом искусстве; и следует признать, что во всем, кроме широты размаха, ученик превосходит учителя. Прежде всего у Троцкого больше импра. Маркс в своей ненависти к буржуазии и зависти к Прудону и Бакунину был поумным; у нем не было ни капли ридарства. В своей борьбе за пролетариат и в своем походе против его эксплуататоров он обнаружил так мало чутья действительной жизни, что не раз хочется воскликнуть, что он с таким же успехом мог жить на острове Патмосе, как в районе Сохо-оквера или на Хаверсток - хилде; так мало проивведения его свидетельствуют о том, что он хоть раз в жизни видел рабочего или беседовал с каким нибудь финансовым или государственным деятелем. Троцкий не таков. Вполне учитывал некоторую опьяненность его своим успехом - успехом, подобного которому никогда не выпадало на долю Маркса, - в борьбе с Колчаком, Деникиным и Врангелем, которых он раздавил, как три гнилых ореха, и в деле наведения такого страха на Европу, в каком ее не держал ни кто после Наппера, все же несомненно, что веселая игривость его полемического стиля имеет своим источником ответственную свойство его натуры. Он расправляется со своим противником резко и беспощадно, но не забрасывает его грязью. Маркс обвинил Бакунина в ~~его~~ бесчестности и предательстве; он чернил его характер еще больше, чем унизил его ум. Троцкий гораздо снисходительнее к Каутовскому. Всякую мелочь в рассуждениях Каутовского Троцкий тотчас схватывает своим безукоризненно-правильным чутьем; и он весело восклицает: "Посмотрим, нельзя ли найти

613

хоть крупицу истины в этой куче чепухи." Как Лессинг, он, окровавив у своего противника голову, приставляет ее ваткам напоказ, чтобы всем было видно, что в ней нет мозга; но он щадит личный характер своей жертвы, Маркс бил куда попало и часто бил со злобой; Троцкий никогда не бьет без позорения совести. Он лишает Каутского последних остатков политического кредита; но он оставляет незапятнанной его честь.

Есть еще другое и гораздо более важное различие. Дип Барнс в начале своей политической карьеры сказал: "Весь анархизм, какой во мне был, вылетел из меня после порыва не десяти минут, проведенных мною на заседании Совета одного графства." Этими словами он высказал истину, которую необходимо повторять в наши дни, когда люди из не-правящих слоев народа оказываются членами кабинета министров и даже премьер-министрами. Карлу Марксу ни разу не пришлось получить или истратить хотя бы копейку государственного дохода или подписать смертный приговор. Троцкий и Ленин были в таком же положении до 1917 года. Они жили частными людьми, с небольшими средствами, пока однажды Ленин не оказался пронзенным пулями, из которых некоторые не извлечены до сих пор. Оба поняли тогда, что большевизм имеет дело с врагами, которые смотрят на большевика, как на бешеную собаку, а на коммуниста, как на ересь, подлежащую беспощадному искоренению светским мечом. Они поняли также, что этих врагов нельзя обратить и обезоружить невинными и убедительными лекциями о прибавочной стоимости и хозяйственной эволюции. Троцкий сообразил, что в Ленина стреляли потому, что он сам не расстреливал тех, кто хотел расстрелять его. Обладая редким даром учиться на опыте, он быстро организовал свои стрелковые ресурсы и в короткий срок искоренил всю реакцию, домашнюю и чужеземную, колячковскую, денкинскую и врангелевскую, капиталистическую, синдикалистскую и анархистскую, с такой наполеоновской энергией, что вся Европа, хотя сама по себе в братской крови, ужаснулась его прикорбному равнодушию к заповедям нагорной проповеди. Но зато в Москве воцарился порядок; Денкин нашел, что более безопасно жить в Лондоне; а Колчак потонул в могиле, и даже самые преданные его сторонники не могут утверждать, что его дух продолжает борьбу.

10111

1.614

Есть, однако, один замечательный пробел в защите Троицким пролетарского терроризма. Романтическая традиция которой требует, чтобы наиболее эффектным моментом революции непременно было цареубийство. Почему Советская Власть воскресила эту традицию? Ведь было не возможно разделаться с Луи-Филиппом без помощи гильотины. Наполеон III умер в своей постели. Я встречал среди англичан много республиканцев и коммунистов; но ни один из них не считает цареубийство неизбежным эпизодом при переходе от капитализма и монархии к коммунизму и республике. Но если бы даже в крайнем случае цареубийство было признано необходимым, то мы удовлетворились бы, после надлежащего судебного расследования, головой самого тирана; мы не стали бы линчевать его и вместе с ним его жену и детей. Французы, правда, казнили не только Людовика, но и его жену; но Марии-Антуанетте было пред'явлено отдельное формальное обвинение в непростительной измене, в которой она бесспорно была повинна. Почему русские революционеры не только вернулись к устарелой традиции цареубийства, но просто вырезали всю царскую семью без суда и в прямое нарушение прав, принадлежавших членам этой семьи, как гражданам республики?

Троицкий должен был обсудить этот вопрос, если он имеет в виду представить свою книгу на суд всей Европы и Америки. Этот эпизод русской революции является исключительным по весьма любопытному сочетанию беспощадной и беззаконной кровожадности с таким предупредительным отношением к своим жертвам, какго мы напрасно стали бы искать в аналах цареубийства. Все, что только было возможно, было сделано, чтобы причинить им как можно меньше неприятностей, - все, кроме сохранения им жизни. Даже об их религиозных потребностях заботливо подумали эти убийцы, считавшие подобные потребности пустым суеверием. В дом, где жила царская семья, был приглашен специальный хор, который должен был спеть всю обедню. Жертвам, которые таким образом, сами того не зная, приготовились к смерти, было разрешено лечь опять в обычное время. Ночью их разбудили и сказали им, что по соседству происходят беспорядки, внушающие тревогу, и что наскоро было решено сейчас же перевести их в безопасное место. Они встали, женщины стали усердно запрягивать себе в платье свои драматичности,

645

1.645

видимо доверяя всему, что им говорят. Вся семья собралась в пустой комнате, дожидаясь отправки. Царь попросил, чтобы ему дали стул; его просьба была исполнена. Затем в комнату вошел отряд вооруженных людей, из которых каждый в точности знал, кого он будет расстреливать. Царь был мертв через пять секунд; а через полминуты в комнате не было ни одного живого человека, кроме убийц.

Если мы сравним все это с муками и унижениями тюремного заключения Марии-Антуанетты и с публичным повешением ее следователя и месту казни, то должны будем признать, что русской царской семье прямо посчастливилось: так милостиво с ней разделались. Спрашивается только, почему вообще с ней разделались. Какое право имело Советское Правительство прикоснуться к трем, по всем вероятностям, весьма милым девушкам, которых что превратило из великих княжен в гражданок? Если царь и царица были виновны в каких-нибудь замышлах против Правительства, подобно Карлу или Людовику или Марии-Антуанетте, - а они были в них виновны -, то чем можно оправдать то, что с ними расправились судом Линча вместо того, чтобы привлечь их к законному суду?

Троцкий должен был ответить на этот вопрос. Здесь недостаточно молчаливых сомылок на не совсем ясные заявления, сделанные когда-то о неоправданности Советского Правительства в этом деле. Возможно, что этот весьма методический суд Линча был так же самозачинен, как ослепление Писоффуга, учиненное на улицах Лондона шайкой студентов. Возможно, что это было делом простого революционного этикета: применением правила: "Руководствуйся последним примером" со стороны людей, исторические познания которых были весьма поверхностны, а конституционное чувство которых равнялось нулю. Возможно также, что здесь был избыток усердия, действовавшего вопреки формальным приказаниям Советского Правительства, но в угоду его тайным помыслам, подобно эскадронам во время карательных экспедиций в Ирландии. Во всяком случае Троцкий должен был сказать об этом свое слово. Он не стал бы кормить нас официальным взглядом; мы это знаем; но именно его личный взгляд на это дело был - бы интересен. Так или иначе, оно не имеет оправдания с буржуазной точки зрения. С коммунистической точки зрения оно внушает ужас.

Как бы то ни было, когда время стрельбы миновало, Троцкий нашел - совсем как мы, когда время стрельбы миновало, у нас,

616

что с победой затруднения для него только начинаются. Он мог перестрелять весь человеческий род, кроме Коммунистической Партии и сторонников ее правления, но задача спасения России не ставилась от этого легче. Некоторые рабочие, по вынужденным делам капиталистическим строем работать за 24 миллиарда в месяц или умирать с голоду, стали вести себя, как чисто капиталистические джентельмены, и отказались работать вовсе. Троцкому пришлось обьявить, что человек не животное и что движущей силой цивилизации служит стремление к сбережению труда. Таким образом Троцкий оказывается и в числе пророков манчестерской школы с ее знаменитым требованием эгоистического импульса к труду. Чтобы сделать этот импульс действительным, нужно было заменить угрозу голодной смерти угрозой расстрела; и пришлось расстрелять весьма изрядное количество пролетариев, прежде чем остальные могли убедиться, что Советская власть не шутит. Молодые герои, которые без страха шли навстречу Сибири и стенам Петропавловки, проповедуя священный поход революции против царской тирании, были так скандализованы расстрелами, что вернулись к своим старым революционным привычкам, и Троцкий с Лениным, без сомнения, в их собственному изумлению, оказались вынужденными заполнять Петропавловскую крепость теми же самыми героями и героинями, которых туда заключали столичные. Многие газеты также были задуманы без всякой пользы, совсем как Глоб господином Ллойд-Джоржем или син-фейереровская печать сэром Гамарин Гринвудом.

На очереди становился вопрос о земле. Нужно было разделаться с теми сметливыми людьми, которые среди всеобщего хаоса сумели обзавестись слишком большими участками земли; для этого нужно было разрешить их менее ловким соседям возвести их и разделить между собой их земли на более справедливых основаниях. Приходилось даже послать агитаторов для искусственного возбуждения таких дел там, где они не возникали самопроизвольно. Но нельзя сделать шелковый кошелек из свиного уха; и еще труднее сделать коммуниста из крестьянина-собственника, этого неоспоримого сосуда первоначального греха собственности. В благородном негодявстве на недостаток почтения к Карлу Марксу со стороны российского мундшана Советского Правительства реквизириовало его уроша и заплатило ему рублием, в то время когда десять тысяч рублим нужно было заплатить, чтобы

617

1677

проехаться на извозчике. Мушкетер отказался производить хлеб на подобных условиях; и я доказывал на столбцах этого журнала, в ответе об одной книге Гиндмана, что крестьянина оледует обложить определенным налогом /как наши лендлорды облагают наших мушкетеров определенной арендной платой/ и потом отпустить его на все четыре стороны. Два месяца спустя Ленин заявил, что он именно это и сделал.

Далее обнаружилось, что организация производства и распределения не по плечу новому и еще неравнотному государственному строю. Пришлось предоставить свободу инициативы частным предпринимателям. Над этим шагом без конца потешались в обветшавшей Западной Европе /гибнущей вследствие крушения капитализма/, как над позорным возвратом к меркантилизму. По этому поводу можно только сказать, что если наши коммерсанты довольны, то Советское Правительство ничего не имеет против того, чтобы они хохотали сколько угодно.

Наконец, уже с самого начала было совершенно ясно для тех немногих, кто действительно понимал ход экономической революции в России, что хотя экспроприация экспроприаторов требовалась здравым пониманием марксизма, но одно дело было, когда русское правительство экспроприировало русских экспроприаторов, и совсем другое - когда оно экспроприировало экспроприаторов французских и английских. Британское правительство, например, экспроприрует своих собственных миллионеров в размере одиннадцати миллионов на фунт ежегодно и в добавок взыскивает их доход за семь лет после их смерти; но если бы оно уведомило Соединенные Штаты, что его долг этому государству подвергнется экспроприации в таком же размере, то адмирал лорд Битти швырял бы сейчас восемь-десять снарядов в тех самых людей, которым он заперь клянется в вечном брудершафте за обеденным столом.

Признание, что власть Коммунистического правительства имеет свою географическую границу, является последним шагом Советов; сделать этот шаг их заставил голод, хотя его необходимость с самого начала очевиднейшим образом вытекала из всего положения. Бывший русский капиталист с горечью увидит, что его правительство мягче к французским и английским капиталистам, чем к нему.

Эта уступка западному меркантилизму отнимает у великих держав последнюю возможность оправдать свой отказ от признания русского правительства. С самого начала это было единственно правитель-

ство в Европе, которое заслуживало внимания мыслящих людей. Наше собственное правительство проделало весь круг возможных ошибок, сохраняя при этом вид невежественного самодовольства и не показывая никакого выхода из той чудовищной переделки, в которую оно нас толкнуло. Во время войны угроза разгрома и порабощения заставила его организовать национальное усилие и создать великолепный национальный трест вместо того, чтобы зависеть от частных предпринимателей, которые поставляли на наши батареи по снаряду в день, по ценам от 600 до 1500 фунтов за снаряд. Успех этого начинания был громадный; но война миновала, и правительство подняло крик, что национальное движение пошло по ложному и гибельному пути и что его уничтожение требуется интересами экономики. Оно умышленно уволило рабочих национализированных предприятий; разрушило национальный трест; стало должно распродавать национализированные фабрики почти по такой же цене, какую потом платило частным контр-агентам за открытие новых; приучало уволенных рабочих к безделью до тех пор, пока крах стал неизбежным; испортило валюту; всячески затруднило транспорт, этот глубочайший жизненный нерв промышленности, удорожив железнодорожное и почтовое сообщение под предлогом повышения их доходности; ограбляло побежденных, отняв у них суда и уголь, а для пострадавших от этого рабочих Южного Уэльса и Тамнсайда создало новую армию, которая должна была перерезать их, если бы они не согласились умирать от голода молча; обложало германских экспортеров налогами, которые придется уплачивать британским импортерам; одним словом, оно сделало решительно все, за что Троцкий немедленно расстрелял бы его.

Понятно, что виновники этих политических подвигов не любят Троцкого. Понятно также, что у Троцкого много поклонников среди тех, кого политика правительства довела до полной нищеты. Они видят, что поскольку речь идет о терроризме, все правительства одинаковы; дубинка полицейского и винтовка отрядов особого назначения суть последние аргументы государства, все равно коммунистического или капиталистического. Различие заключается только в той цели, ради которой употребляется сила. Троцкий и Ленин явным образом употребляют ее для искоренения дефицита и разрухи;

6/11

для воссоздания Φ своей страны: путем заботы о благополучии ее сынов прежде всего; для прекращения воровства и грабительства на высоких местах; для уничтожения тирании денег и пустых притязаний искусственной аристократии; для организации производства и для распределения дохода так, чтобы в результате получалось благополучие человека, а не безконечное продолжение скверной трагедии о богаче и Лазаре; - короче, для того, что в течение веков проповедывали все знаменитые учителя человечества от Платона и Иисуса до Мора и Рэскина. Так как они прочли произведения Маркса и презирают труды Фабиановского Общества, то они сделали несколько элементарных ошибок; но они же первые признались в них /овыми радостными сведениями в этой области капиталистическая печать обязана не собственной своей пронципальности, а речам Ленина/; и они сделали все возможное, чтобы исправить эти ошибки, вместо того, чтобы скрывать их и упорствовать в них, как это делаем мы. Не удивительно, что у наших политических мужей колеблется под ногами почва, когда такие неслыханные новшества совершаются людьми, фактически стоящими у власти и имеющими под своей командой красные армии. Более того, земля действительно колеблется; и если мы не будем бдительны, она развернется и поглотит нашу лицемерную цивилизацию.

Настоящая книга Троцкого, не будучи фабиановским трактатом, не проливает большого света на технику и внешний аппарат коммунистического строя. Она смутит многих читателей прежде всего тем, что открывается военным этюдом по истории парижской коммуны 1871 года с точки зрения военного министра, который смотрит на этот эпизод, вызывающий в сознании английского буржуа только смутное воспоминание об одном из французских мятежей, как на первый этап войны, которая еще продолжается и закончится только вместе с концом целой эпохи. Затем он изобличает всю ничтожность излюбленного нашими пустословами демократического аргумента, что никакая политическая перемена не должна быть произведена прежде, чем большинство населения уже поймет ее необходимость, пожелает ее и выскажется за нее, - что было бы равносильно тому, что никаких политических перемен не следует производить вообще. Его доказательство необходимости разгона Учредительного Собрания

620

1620

в первый же день его рождения безусловно убедительно: господи
бы,
Бальфур поступил точно также. В самом деле, Троцкий заявляет,
что коммунисты должны делать то же самое, что всегда делали их
противники: а именно, силой навязать коммунистический строй
народу в тот момент, когда это позволяют обстоятельства, зная,
что с течением времени народ все равно опрокинет его, если най-
дет его невыносимым: но так у него будет по крайней мере воз-
можность знакомиться с ним на опыте и вырастать под его себью,
вместо того чтобы читать слабоумные тирады против него в газе-
тах в редкие минуты отдыха от тяжелого ежедневного труда. Наши
правящие классы не могут сказать ничего другого. Только они не
могли бы сказать это также хорошо. Троцкий пришел к своим взгля-
дам на основании живой и ответственной практики правителя; и
если бы не его предубеждение против праздности /то самое, кото-
рое Сесиль Родс выразил в одном параграфе своего завещания, о
котором мы никогда не упоминаем/, то он был бы совсем по сердцу
самому господину Уинстону Черчиллю.

ВЕРНО: Переводчик И. Р. Чер